

**Б.В. ЛОКК (г. МОСКВА). РЕФЕРАТИВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
РЕЦЕНЗИИ Я. РОМБА (г. ВАРШАВА)**

Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев.
Диалектико-логические принципы построения теории.
Rec.: Rab J.-Dialektyczne zasady budowy teorii.
– Czlowiek i swiatopoglad. – Warszawa, 1975. – N 4. – S. 166–175.

Рецензируемая книга члена-корреспондента АН КазССР Ж.М. Абдильдина и доктора философских наук А.Н. Нысанбаева, пишет Я. Ромб, посвящена анализу диалектического мышления как универсальной методологии теоретического познания и должна, по мнению авторов, стать альтернативой неопозитивистской концепции науки. Она содержит критику абстрактного эмпиризма и Спинозианских тенденций в философии науки.

В первом разделе рецензии особое внимание уделено рассмотренным в монографии элементам диалектики в философии Канта. Для польских читателей, как считает рецензент, мнение Ж. Абдильдина, согласно которому, первая попытка диалектического понимания познания была предпринята еще Кантом, представляет особый интерес, так как в польской философской литературе Кант рассматривается чаще всего с позиций неопозитивизма, выхолостившего диалектику из его категорий. В соответствии с рецензируемой работой указывается на введение Кантом в философию понятия «развитие» («саморазвитие») и на его попытку диалектической интерпретации материи и формы, равно как на рассмотрение им диалектики как процесса познания, потребовавшее применения совершенно новой логики – «логики содержания», или «трансцендентальной логики». «При таком подходе, – пишет Я. Ромб, – познание стало синтезом эмпирических

данных и категории разума». Он подчеркивает, что позитивисты не видят этой связи у Канта, не видят, что «категория разума приобретает свой объективный смысл только в связи с эмпирическими данными ... приобретает свою объективную ценность как необходимое формальное условие нашего опыта» (с. 167).

Рецензент отмечает значение проблемы антиномии («центральной проблемы кантовской диалектики»), детально рассмотренной в рецензируемой работе. В частности, подчеркнуто значение «признания противоречия как основы научного познания».

Значительное внимание рецензент уделяет принципам диалектики в кантовской «трансцендентальной диалектике» (логическая и трансцендентальная очевидность), подчеркивая, что «все категории разума имеют у Канта смысл только в связи с эмпирической очевидностью. И наоборот, сенсуальные (основанные на ощущениях) данные и мир явлений приобретают свой смысл и порядок благодаря необходимым и формальным условиям познания – формам чистой очевидности и категориям интеллекта. Единственным исключением, которое могло бы подкрепить позитивистскую тенденцию к разделению метода и предмета, могут стать регулятивные идеи разума. Но, как известно, они лишены для Канта эмпирического содержания и в лучшем случае могут иметь инструментальный, упорядочивающий наш опыт смысл. Известно также, что их доказательство происходит у Канта в действительности, не поддающейся научному определению» (с. 168).

Рассмотрение элементов диалектики у Канта рецензент заканчивает высказыванием Ж. Абдильдина, что «в так прочитанном Канте марксистская методология находит своего предшественника».

Поскольку вопросы, связанные с диалектической интерпретацией познания в философии Гегеля, «в общем

известны», рецензент ограничивается перечислением рассмотренных в данной монографии вопросов.

Второй раздел рецензии посвящен связи между предметной деятельностью и мышлением и вытекающему отсюда единству практики и теории. Рецензент кратко знакомит польских читателей с ходом рассуждений Ж. Абдильдина при рассмотрении этой проблематики, уделяя особое внимание анализу категорий диалектики. При этом рассмотрен ряд тезисов, в частности о единстве бытия и мышления как единстве практики и теории, о мышлении как форме предметной деятельности, о противоречиях в предметной деятельности как движущей силе развития категорий мышления, об истории науки как истории предметной деятельности человека (т. е. истории всей человеческой культуры), о прогрессивном характере истории познания, о единстве диалектики, логики и теории познания в марксистской философии и недопустимости выделения отдельных диалектик о связи между предметной деятельностью и научным познанием (различные категории как последовательные этапы нашего познания), о теории как форме практики.

В третьем разделе рецензии рассмотрена проблема выбора предметной области – начального этапа теоретического познания. При рассмотрении этой проблемы Я. Ромбо опирается на соответствующий раздел рецензируемой работы. Он указывает на сложность выбора предметной области ввиду изменения ее содержания в процессе исторического развития, на связь предметной области с практической деятельностью человека и уровнем развития науки в данный период, на зависимость познания объекта от определения способов его взаимоотношения с субъектом. Последнее имеет, по мнению рецензента, существенное значение для общественных наук, так как показывает, каким образом «предметная структурализация действительности зависит от классовых

позиций исследователя», указывает на связь «между теоретико-методологическим знанием исследователя и существованием конкретной социальной группы, к которой он принадлежит» (с. 171). Такой подход, продолжает Я. Ромб, дает возможность «наполнить используемые категории конкретным историческим содержанием; более того, он позволяет избежать популярного в буржуазной социологии анализа социальных проблем в целом» (с. 171).

Далее указано на соотнесенность создания предметной области с человеком, его объективной деятельностью; на включение практики в определение предмета, на невозможность произвольной абстракции в области исследований и отделения предмета от его наиболее широких связей, определяемых практикой; на необходимость рассматривать предмет в рамках целого, определяемого в конечном счете практическим отношением человека к миру. Следовательно, заключает рецензент, выбор предметной области – это выбор определенного целого, в рамках которого рассматривается предмет.

Заключительные разделы рецензии посвящены определению и анализу исходного пункта теории («начального целого») как следующего этапа построения теории, а также анализу понятий «субстанция» и «сущность». В основе этого анализа лежит марксов анализ категорий «товар», «стоимость» и «прибавочная стоимость». Показано, что именно товар, товарные отношения явились для Маркса исходной категорией при исследовании капиталистического способа производства; прослежен марксов анализ категорий и закономерностей капиталистического товарного производства, подтверждавший правильность выбора товара в качестве исходного пункта построения теории капитализма.

Далее Я. Ромб знакомит польских читателей с анализом категорий субстанции и сущности, данным Ж. Абдильдиным. При этом он подчеркивает значение, которое Ж. Аб-

дильдин придает определению универсальных условий целого, т. е. субстанции – этой универсальной конкретности теории, противопоставляя ее общеабстрактному анализу признаков предмета. В результате Ж. Абдильдин приходит к выводу, что решающее при определении субстанции предмета – сконцентрироваться на его конкретности, на факте, что предмет является единством многообразия.

Познавательная функция субстанции показана, по Ж. Абдильдину, в «Капитале», где в марксовом анализе в качестве субстанции выступает стоимость – конкретно-универсальное понятие, в котором сконцентрированы все отношения в товарном хозяйстве, равно как и единство многообразия форм жизни капиталистического общества. Поскольку стоимость как субстанция не зависит от форм ее проявления, она имеет универсальный характер.

Теснейшим образом с понятием субстанции связано в марксистской методологии понятие сущности. Эту связь, продолжает Я. Ромб, Ж. Абдильдин выводит из марксового анализа категории «товар», «стоимость» (субстанция капитализма) и «прибавочная стоимость». Он подчеркивает, что именно прибавочная стоимость является сущностью капиталистического товарного хозяйства, отражающей его внутреннее содержание; показаны различия между стоимостью и прибавочной стоимостью; отмечено, что последняя является специфичной формой саморазвития первой. Следовательно, сущность – специфическая форма саморазвития субстанции. Поскольку сущность является историческим моментом в развитии субстанции, универсального условия исследуемого целого, то в теории существует возможность рассматривать ее независимо от форм ее проявления, пишет Я. Ромб.

В соответствии с изменением предмета теории в ходе исторического развития меняется и его сущность, а также ее связь с миром явлений. Отмечено, что, исходя из этого, Ж. Абдильдин выдвигает перед диалектической логикой

свой последний постулат: чтобы построить целостную теорию, надо определить развивающееся целое или стремиться к мысленной реконструкции конкретного предмета. Таким образом, от понятийного определения сущности путь ведет к истолкованию внутренних форм проявления этой сущности в историческом развитии, – заключает рецензент. Эту мысль он иллюстрирует примером прибавочной стоимости как сущности капитализма. При этом подчеркивает, что отношение сущности к миру явлений носит не прямой, а опосредованный характер, что попытки чисто дедуктивного выведения конкретных категорий, касающихся форм проявления, из определения сущности будут безрезультатны. Для установления связей между ними необходимы понятия диалектической логики, а именно тождество противоречий, закон и закономерность, возможность и действительность и т. д., которые, однако, не проанализированы в монографии. <...>